

ОТЗЫВ

официального оппонента Коротченко Юлии Михайловны
на диссертацию Романова Ивана Юрьевича «Трансформация социальной
реальности: критика социальных теорий постмодернизма»,
представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук
по научной специальности 5.7.7 – Социальная и политическая философия

Формулировка темы диссертации Романова И.Ю. «Трансформация социальной реальности: критика социальных теорий постмодернизма» обнаруживает общую метамодернистскую/постпостмодернистскую интенцию проведенного исследования. В данной диссертации сохраняется ценность и самого постмодернизма как социальной критики, и идей классических философов, косвенно обращавшихся к социальным реалиям, получившим категориальное выражение в современной социальной философии, и при этом подчеркивается важность критики самого постмодернизма с целью позитивного методологического преодоления его негативизма.

Актуальность работы неоднородна, как это обычно бывает в социальном исследовании. Последнее всегда исходит из доминирующих в период его осуществления социальных тенденций – практический аспект актуальности, и несостоятельности в их концептуализации средствами языка теоретико-методологической парадигмы, рожденной иным состоянием социального мира – теоретико-методологический аспект. Социальная реальность сегодня переживает глубокую трансформацию, связанную с цифровой революцией, качественно иными темпами роста глобализации, углублением кризиса традиционных институтов и появлением новых форм отчуждения. Постмодернизм преуспел в постановке диагноза своего общества, создал новый язык такой диагностики – маргинальный по отношению к языку модернистских социальных доктрин, метафоричный, междисциплинарный, однако собственно выработка целостного механизма преодоления обесценивания модернистской упорядоченности в обществе эпохи постмодерна может быть отнесена к запросу на метамодерн/постпостмодерн. И на этот актуальный запрос диссертант отвечает объяснительной моделью «дефицит – кризис – отчуждение – адаптация», систематизирующую социальную теорию философии постмодернизма и позволяющую увидеть общее и существенное в коллажной совокупности идей философов-постмодернистов. Таким образом преодолевается внутренняя разрозненность социальной теории, созданной в постмодернистской философии. Наконец, обращение Романова И.Ю. к новым социально-коммуникативным практикам с этической компонентой («новой искренности», «новой этике»), их интерпретация как поиска аутентичности и преодоления симулятивности гиперреальности,

2

встроенность этой интерпретации в предлагаемую диссертантом объяснительную модель синтезирует социальный, методологический и практический аспекты актуальности темы представленной диссертации.

Новизна работы определяется доказательством необходимости рассмотрения тенденций трансформации социальной реальности при помощи критики теорий постмодернизма, поскольку предложенные социальные концепции, фокусируясь на отдельных частях и проблемах в социальной реальности, не предоставляют целостного видения общих трансформационных процессов; определением центральной проблемы состояния социальной реальности с точки зрения философов-постмодернистов как проблемы кризисного состояния социальной реальности; выявлением логики осмысления процесса трансформации социальной реальности в трудах философов-постмодернистов, которая может быть представлена в следующей объяснительной модели: «дефицит – кризис – отчуждение – адаптация»; доказательством того, что при нарастании кризисных процессов и явлений обществ постмодерна, формируются специфические социальные тенденции и практики, направленные на противостояние отчуждающим и симулятивным процессам в социальной реальности, что позволяет констатировать запуск процесса трансформации; выявлением социальных феноменов «новой искренности» и «новой этики», свидетельствующих об адаптации к социополитическим проблемам социальной реальности в обществе постмодерна и являющихся продуктами педагогико-адаптивистского проекта постмодернистской философии; введением концепта “homo tardus”, обобщающего смысл противоречивых социальных протестных движений, целью которых является преодоление состояния постмодерна.

Диссертация выполнена на достаточно высоком теоретическом уровне с привлечением достаточного количества источников. **Степень обоснованности и достоверности результатов исследования** не вызывает сомнений, т.к. основные выводы и положения диссертации основываются на авторитетных источниках и соответствуют традиции философско-научных исследований: автор демонстрирует глубокое знакомство с классическими и современными концепциями в области социальной философии, политической философии, социологии, грамотно используя теоретический аппарат таких авторов, как З. Бауман, Ж. Бодрийяр, М. Вебер, Ф. Гваттари, Ж. Делез, Э. Дюркгейм, Ж. Лакан, Ж.Ф. Лиотар, Х. Ортега-и-Гассет, М. Фуко, Ю. Хабермас.

Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав (по три параграфа в каждой), заключения и списка литературы, включающего 153 наименования. Общий объем работы – 153 страницы. В целом, **структура работы хорошо продумана и отвечает цели и задачам.**

Первая глава «Социальная реальность и её динамика: методологические аспекты исследования генезиса понятия и процесса её философской концептуализации» посвящена теоретико-методологическим основаниям исследования. В первом параграфе автор анализирует генезис понятия

«социальная реальность» от античности до феноменологической социологии А. Шюца, подчёркивая её интерсубъективную природу и двойственную структуру (объективная и субъективная стороны). Во втором параграфе рассматриваются ключевые постмодернистские концепции (З. Баумана, Ж. Бодрийяра Ж. Делеза, Ж.Ф. Лиотара, М. Фуко) и выделяются социально-политические маркеры, свидетельствующие о нарастании темпа социальной динамики. В третьем параграфе на основе обобщения результатов анализа концепций вышеуказанных философов формулируется центральная идея: кризисное состояние социальной реальности является отправной точкой её трансформации, а сам процесс описывается схемой «дефицит – кризис – отчуждение – адаптация».

Вторая глава «Процесс трансформации социальной реальности в позднем капитализме на основе методов философии постмодернизма» конкретизирует эту схему. В первом параграфе анализируется феномен дефицита, выходящий за рамки материальной недостаточности: дефицит реального, дефицит смысла, ценностный дефицит. Автор показывает, как общество потребления порождает «серийную уникальность» и парадоксальное единство социальных эмоций очарования (*fascinans*) и страха (*tremendum*). Во втором параграфе рассматривается отчуждение как источник трансформации, а также возникновение «новой этики» и «новой искренности» как реакций на кризис модели *homo economicus*. Третий параграф посвящён адаптации как виду трансформации; здесь вводится концепт *homo tardus* и анализируются противоречия «новой искренности», которая, будучи попыткой преодолеть отчуждение, сама становится товаром и симулякралом в обществе спектакля.

В заключении подводятся итоги, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований, в том числе в контексте социальной теории постпостмодернизма.

К несомненным достоинствам диссертационной работы Романова И.Ю. следует отнести оригинальную систематизацию постмодернистских теорий: автору удалось преодолеть фрагментарность философии постмодернизма как совокупности теорий и предложить модель трансформации как упорядоченную четверку «дефицит – кризис – отчуждение – адаптация», что является заметным вкладом в историко-философскую и социально-философскую теорию. Заслугой диссертанта является также введение новых концептов («*homo tardus*», «серийная уникальность», «дефицит реального»), которые обладают высокой эвристической ценностью и могут быть использованы в дальнейших исследованиях современной социальности. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что диссертант не ограничивается констатацией кризиса и отчуждения, но раскрывает педагогико-адаптивистский потенциал постмодернистской философии – использование «игрового режима» как стратегии минимизации потерь при адаптации к неустойчивой социальной реальности общества постмодерна. Такой ракурс позволяет увидеть в постмодернизме не только деструктивную критику, но и своеобразную практическую философию «выживания» в

условиях гиперреальности, что существенно обогащает традиционное восприятие этого направления как исключительно релятивистского. Кроме того, автору удалось выявить и концептуально оформить парадоксальное единство *fascinans* и *tremendum* (очарования и страха), которое характеризует отношение современного субъекта к знакам потребления, брендам и массовой культуре; эта, диалектика притяжения и отталкивания демонстрирует высокий уровень аналитической глубины и позволяет объяснить амбивалентность многих современных социальных практик – от коллекционирования «мерча» до феномена «хикикомори». Также следует отметить анализ феномена «новой искренности», показанный не только в виде социальной реакции на отчуждение, но и как парадоксальный продукт рыночной системы; диссертант убедительно демонстрирует, как знаки искренности становятся товаром, запуская новый виток отчуждения в обществе спектакля. Работа отличается широкой эмпирической иллюстративностью – она не ограничивается абстрактными теоретическими построениями, но обращается к конкретным социокультурным явлениям (дауншифтинг, фриганство, блогинг, феномен BTS), что делает выводы верифицируемыми и наглядными. Проведенный анализ актуального эмпирического материала демонстрирует критический потенциал философии постмодернизма, порождающей критику самой себя и перетекающей в метамодернизм/постпостмодернизм с его интенцией, скорее, обоснования, чем отрицания.

Наконец, диссертация имеет хорошую апробацию: основные результаты опубликованы в трёх статьях в рецензируемых журналах из перечня ВАК, а также представлены на многочисленных международных и всероссийских конференциях; автореферат полно отражает содержание работы.

Несмотря на общую положительную оценку, следует высказать ряд замечаний и уточняющих вопросов, которые не снижают научной ценности исследования, но указывают на дискуссионные моменты.

Во-первых, относительно статуса понятия «новая искренность»: автор называет его симулякром и одновременно маркером отчуждения, однако остаётся не до конца ясным, может ли «новая искренность» в каких-то своих проявлениях (например, в низовых, некоммерческих практиках) быть подлинной, или любая её репрезентация автоматически рекуперирована системой. Не приводит ли такой тотально критический взгляд к своего рода «ловушке», когда любая попытка искренности объявляется симулякром, что делает само понятие аналитически бесполезным при том, что возникновение «новой искренности» является симптомом метамодерна?

Во-вторых, в отношении концепта *homo tardus*: предложенный модус «человека замедленного» является интересной антитезой *homo economicus*, однако в диссертации не вполне раскрыты позитивные (а не только негативные, через отказ от потребления) характеристики этого типа. Остаётся неясным, является ли замедление сознательной стратегией или неизбежным симптомом кризиса, а также может ли *homo tardus* претендовать

на роль реальной альтернативы, учитывая, что сама система постмодерна, как признаёт автор, не предполагает организации макросоциальных групп.

В-третьих, по поводу причинно-следственных связей в схеме «дефицит – кризис – отчуждение – адаптация»: автор убедительно показывает корреляцию между этими стадиями, однако вопрос о детерминации остаётся открытым – всегда ли дефицит ведёт к кризису, а кризис – к отчуждению? Не могут ли адаптивные процессы начаться уже на стадии дефицита, минуя стадию явного кризиса? Уточнение механизмов перехода от одной стадии к другой усилило бы аргументацию.

В-четвёртых, о методологической роли феноменологической социологии А. Шюца. В диссертации Шюц представлен как автор, впервые введший понятие «социальная реальность», и его концепция включена в теоретико-методологические основания диссертационного исследования. Однако в дальнейшем изложении социальная феноменология А. Шюца практически не используется; возникает вопрос о том, в какой мере она сама и ее развитие в социальном конструктивизме повлияли на критику постмодернизма, предложенную диссертантом.

В-пятых, стилистические и терминологические замечания: в диссертации встречаются некоторые повторы и не всегда оправданное использование метафор («руины», «разруха», «болезнь») без чёткой операционализации. Кроме того, хотелось бы видеть более строгое разграничение между постмодернизмом как философским направлением и постмодерном как исторической эпохой, поскольку в тексте эти понятия порой смешиваются, что особенно показательно на примере названия второй главы «Процесс трансформации социальной реальности в позднем капитализме на основе методов философии постмодернизма». Трансформация социальной реальности происходит в обществе эпохи постмодерна, а методология философии постмодернизма позволяет ее увидеть.

В-шестых, и это, скорее, пожелание на перспективу продолжения исследования, чем замечание. Критика постмодернизма сегодня известна как проявление метамодернизма/постпостмодернизма. Романов И.Ю. на стр. 15 диссертации пишет, что данное «исследование может являться теоретическим фундаментом для анализа социальной теории постпостмодерна». Но это исследование само имеет постпостмодернистскую интенцию, предшествующую работе И.Ю. Романова. Необходима ясность в вопросе о методологическом статусе постпостмодернистского видения общества для исследования, критического в отношении постмодернистской социальной теории.

Наконец, техническое замечание: текст содержит опечатки грамматического, но не терминологического характера.

Указанные замечания по содержанию носят дискуссионный характер, техническое замечание не имеет решающего значения. В целом, высказанные

замечания не ставят под сомнение общую положительную и высокую оценку диссертационной работы.

Считаю, что диссертация Романова Ивана Юрьевича «Трансформация социальной реальности: критика социальных теорий постмодернизма» соответствует паспорту научной специальности 5.7.7 – Социальная и политическая философия, отвечает требованиям пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук».

Официальный оппонент
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры религиоведения и философии культуры
Института «Таврическая академия» (СП)
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского»

Почтовый адрес: Российская Федерация, 295007, Республика Крым, г. Симферополь, просп. Академика Вернадского, д. 4; тел. +7 (3652) 54-50-36; e-mail yuliyakor03@gmail.com

Коротченко Ю.М.

Дата 04.05.2026

Печать и подпись заверителя подписи оппонента

...